

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ

Г.А.Сивохин

старший научный сотрудник,

преподаватель кафедры философских учений

Белорусского национального технического университета

Статья посвящена освещению, в рамках проекта *Модерніті* (західноєвропейського проекту з розповсюдження своїх соціокультурних стандартів на інші соціокультурні сфери), явища гендерних трансформацій, а також рефлексії відносно цього питання.

Ключові слова: гендер, модерніті, глобалізація.

В трансформирующихся социумах общество *движется* в направлении освоения западной версии современного проекта укоренения социокультурных стандартов. Об этом свидетельствует множество фактов. На уровне рефлексии трансформирующиеся общества Восточной и Центральной Европы в состоянии описать и понять себя при помощи стандартных учебников и стандартных теоретических схем, разработанных на Западе в 60-70-е гг. и описывавших западное общество того времени [3, 277].

Повышение жизненного уровня, социальной безопасности, распространение возможности образования – существенно изменили *организацию индивидуальных биографий* [3, 282]. Жизненные планы стали проектироваться на значительно более длительный период времени, появилась возможность говорить о "биографии поведения" и "жизненных программах", которые внешне напоминают карьерные планы в профессиональной деятельности, но по существу не сводятся только к ней, а ориентируются на личностную реализацию в самых разных сферах жизни, иногда сразу в нескольких.

Кроме традиционных появляются и *новые возрастные статусы* [3, 282], в том числе и *послеродительская* (прежде всего это касается женщин) стадия, на протяжении которой индивид получает возможность осваивать новые формы деятельности, начать "новую жизнь" после того, как взрослые дети уже не требуют опеки. Отмечается *плюрализация форм семейной жизни*, буржуазная "ядерная" семья, несколько десятилетий тому считавшаяся обязательной, имеет все меньший вес в обществе, а постепенно начинают преобладать формы единичной либо совместной внебрачной жизни с детьми и без них.

Все эти факторы ведут к плюрализации и индивидуализации жизненных стилей, что прежде всего отражается в ускоренном распаде/изменении традиционных коллективных и индивидуальных жизненных форм проявления/реализации, например, социального пола.

Как отмечает ряд ученых, это все означает "конец социального расслоения" [3, 283]. Известный социолог и социальный философ У. Бек как бы суммирует многочисленные и разнообразные размышления на этот счет в своей книге "Общество риска. На пути к другому модерну" [1]. Касаясь перспектив будущего, Бек предлагает классификацию примет надвигающегося "постклассового общества".

Вероятно, целесообразным при определении сути влияния модернизации на трансформацию гендерных ролей является и сосредоточение внимания, вслед за Жаком Ле Гоффом, на таких вопросах, как восприятие пространства и времени, оценка людьми разных времен социокультурной структуры, понятия индивидуальности, группы и сообщества, установок производства и технологии, образа женщин и детей, социокультурных несовпадений, состояний маргинальных групп и, наконец, широкого спектра чувственных и духовных ориентаций и т.д.

Существенными элементами модернизации являются и два связанных между собой процесса: индустриализация и урбанизация. В общественном измерении индустриализация создает новую стратификационную систему, основанную на ролях, реализующихся индивидами и группами в совместно-экономической жизни, появляется новая форма власти (экономическая) и авторитета (специализация), что, в свою очередь, изменяет ментальность людей и их систему ценностей.

Модернити, как можно судить, уходит корнями в античную греко-римскую эпоху, но только в Новое время развились и проявились в полной мере их особенности, которые отличают его проявления от всех явлений всех других времен и культур. *Модернити* – это вообще культура *Европы Нового времени*, а так же и *Новейшего*, а

свойственный этому *Времени* антропоцентризм является на самом деле всего лишь *европоцентризмом*.

И если Энтони Гидденс в своих "Последствиях модернити" говорит, что в идеи модернити обозначается противопоставление традиции [2], то мы тут можем только уточнить, **что** противопоставляется и **какой** традиции. По нашему мнению, речь должна идти именно о **традициях**, а не о **традиции**. При этом "*традиционным традициям*" с одной стороны противопоставит новоевропейская городская традиция с другой. Именно так, потому что "*традиционные традиции*" – это *традиционный*, т.е. обычный, принятый и органичный/*натуральный* образ существования, который был свойственен не только **деревне**, но и *традиционному городу*, в том числе и европейскому.

И это противостояние *традиционной социополовой традиции* и новой *городской социополовой традиции* ярко отразилось на трансформации гендерных ролей, потому что именно с этого момента мы можем заметить какие-либо реальные изменения, которые коренным образом отличались от тех изменений, происходивших на "гендерном фронте" ранее (существенно тут – слово "ранее", потому что, вопреки широко распространенному представлению о традиционных социумах как обществах, которые не были подвергнуты никаким преобразованиям, мы утверждаем, что и в "традиции" перманентно происходят какие-либо изменения; только изменения эти носят принципиально иной характер по сравнению с изменениями Модернити).

Традиция – это такой "образ интеграции рефлексивного контроля над действием и пространственно-временной организацией общества, средство взаимодействия с пространством и временем, которое обеспечивает преемственность прошлого, настоящего и будущего любого действия или опыта" [2]. Она не является полностью застывшей, потому что должна быть *переоткрытой* заново каждым очередным поколением, которое принимает/наследует культуру от предшественников. Таким образом традиция не столько должна противостоять/противоречить изменениям, сколько образовывать контекст специфических временных и пространственных маркеров, в отношении которых изменения приобретают значительную форму [2]. В культурах же, которые опираются на *устные предания*, традиция как таковая вообще не известна, хотя эти культуры и *наиболее "традиционны"*.

С наступлением эпохи *Модернити* изменяет свой характер рефлексивность. Она включается в само обоснование возобновления системы; таким образом мысль и действие стали преломляться друг в друге.

Некоторые авторы утверждают, что эти элементы являются настолько тесно переплетенными, что каждое их обобществление становится бессмысленным. Но, по мнению Энтони Гидденса, все не совсем так, убедиться в чем можно, если подвергнуть исследованию отношение модернити и рефлексивности. В некотором смысле рефлексивность является определяющей характеристикой всей человеческой деятельности – люди "имеют ввиду" то, что они делают в качестве неотъемлемого элемента своего действия.

Между тем, в силу традиции даже в наиболее модернизированных общностях эта традиция, связанная с принятыми социополовыми ролями, продолжает играть определенную роль, которая, как правило, является менее значительной, чем это предполагается авторами, фиксирующими внимание на интеграции *традиции* и модернити в современном мире.

Не менее интересным при рассмотрении вопроса *модернити* нам представляется тот его аспект, на котором сосредоточил внимание Энтони Гидденс в книге "Последствия модернити". Он, как и целый ряд исследователей данного вопроса, *отрицает* постмодерн и утверждает "*какие-либо*" другие идеи. Гидденс развивает идею о том, что *модернити* не заменяется сегодня новой стадией, которую принято обозначать как *постмодернити*. Наоборот, *проект модернити* в действии, и даже переживает сейчас бурное развитие, некую "*радикализацию*", как говорит сам Э.Гидденс.

Энтони Гидденс приводит два возможных источника этой социокультурной радикализации. Во-первых, это возросшая социологизация жизни, повышение значения рефлексии и саморефлексии, изменение ценностных систем человека, их переориентация с внешних на внутренние, с материальных на нематериальные. Эти явления подрывают обоснованность традиционного капиталистического хозяйствования.

Во-вторых, это глобализация, исчезновение прежних границ национальных государств и становление всемирной сети производственных и информационных структур.

Оба эти источника не рассматриваются им как *чуждые* идеям модернити. Наоборот, предполагается, что *модернити* само по себе является глубоко социологичным и что в нем заложено противопоставление традиции, стремление к неограниченной экспансии.

Таким образом Гидденс утверждает, что сегодня более правильно вести речь не о

новом обществе или новой *Культуре/Цивилизации*, которая замещает собой *модернити*, а о периоде нового, радикализованного *модернити*.

Сам термин "постмодернити" часто используется как синоним *постмодернизму, культуры постиндустриального общества* и т.д. Однако, вероятно, следует провести определенное разграничение данных терминов. Как утверждает Э. Гидденс, "Постмодернизм", если он вообще что-то и означает, имеет отношение прежде всего к направлению в культуре, литературе, живописи, скульптуре и архитектуре (имеются в виду аспекты эстетической рефлексии относительно природы модернити). Слишком часто довольно условно модернизм был образом/изображением особого мироощущения в самых различных сферах, и, можно предположить, что он *вытеснен* направлениями постмодернистского толка.

С культурой постмодернити же Гидденс предлагает ассоциировать нечто другое. Вхождение в данный период означает, что траектория социокультурного развития уводит нас от институтов модернити в направлении к новой особого типа общественной культуре. Постмодернити может показывать осведомленность об этом переходе, но не отражает того, что он (переход) на самом деле имеет место.

Тем не менее, каждый, как предполагает Гидденс, кто утверждает ситуацию перехода от модернити к постмодернити, однозначно должен столкнуться с большими трудностями. Одна из главных очевидна и хорошо известна. Вести речь о постмодернити как о *замещении* модернити, значит, признать именно то, что и объявляется невозможным – придание истории логической последовательности и точное указание нашего места в ней.

А постмодернити и ассоциируется именно с *концом истории*. Так, история не имеет ни вечной формы, ни общей телеологии; она не должна отождествляться с историчностью, потому что последняя точно является связанной с институтами модернити. Использование *истории* для того, чтобы делать *историю*, явление, в основном, свойственное эпохе модернити, является один из *видов* рефлексивности, а не общий признак, употребимый для всех эпох. Даже история как датирование является определенным образом кодированием темпоральности.

Следует внимательно относиться к пониманию истории. Его (понимание) можно определить как использование прошлого для формирования настоящего, но оно не означает уважения к прошлому. Наоборот, историчность означает использование знаний о прошлом как средства разрыва с ним или, в крайнем случае, как поддержку только того, что должно быть

принципиально оправдано. Историчность ориентирует нас прежде всего на будущее. Она должна рассматриваться как сущностное откровение, но откровение такое, которое контрфактически является обусловленным действием, совершаемым с представлением о будущих возможностях. Это является обуславливающим аспектом пространственно-временного "расширения", возможность и необходимость которого диктуется модернити.

Мы, таким образом, опираясь на предположение Энтони Гидденсу, можем проанализировать постмодернити как серию переходов от, или, лучше, *за границы* многочисленных институциональных установок *культуры* модернити. В контексте данного анализа тогда можно легко понять, почему радикализация культуры эпохи модернити явление настолько же проблемное, насколько и существенное для изучения вопроса трансформации гендерных ролей.

Но *модернити* не является лишь одной из цивилизаций среди прочих. Упадок влияния Запада не связан с ослаблением воздействия институтов, которые впервые появились именно там; скорее наоборот – является результатом их глобального расширения. Экономическая, политическая и военная мощь, которые дали Западу его перевес и содействовали первенству и которые основываются на соединении четырех институциональных измерений модернити, более не отличают так очевидно западные страны от каких-либо других. Мы можем интерпретировать данный процесс как **глобализацию** – термин, который стал одним из ключевых в лексиконе социальных наук.

Глобализация нами понимается как "форма" или, лучше и более правильно, как *инструментарий/внешнее проявление* Модернити. Иными словами, существует *западноевропейский городской проект*, а (процесс) распространение его стандартов (в том числе и тех, которые касаются гендерных трансформаций) в/по миру и есть *глобализация*. Подобные позиции, связанные со взглядами на глобализацию как на последствие модернизации, мы можем найти и в работах таких исследователей данного вопроса, как М.Хоркхаймер, Г.Маркузе, Ю.Хабермас, Т.Адорно, Э.Гидденс, У. Бек.

Таким образом, одним из важнейших последствий модернити является **глобализация**. Это не только распространение западных гендерных институтов по всему миру, которое (распространение) *разрушает* прочие культурные установки/шаблоны. Модернити универсализуется не только в плане глобального воздействия на соци-

альный пол, на социополовые роли, но и в плане рефлексивного знания относительно последнего, которое (знание) является основообразующей для его (модернити) динамического характера. И является ли модернити исключительно западным *термином* в этом отношении? На этот вопрос стоит давать утвердительный ответ, хотя и с определенными оговорками. Кардинальный отход от гендерной традиции, как свойственный рефлексивности модернити, приводит к разрыву не только с предыдущими эпохами, но и с другими культурами и их стандартами относительно социального пола.

Модернити по самому своему существу имеет глобализирующий характер. Глобализирующие же тенденции модернити одновременно экстенциональны и интенциональны – они связывают индивидов с системами больших масштабов и на локальном уровне, и на глобальном. Многие явления, которые зачастую называют постмодернити, фактически имеют отношение к опыту жизни в мире, где наличие или отсутствие тех связаны исторически *нетрадиционным* образом. Прогресс становится лишенным смысла, потому что сохраняется логический круговой характер модернити, и на горизонтальном уровне течение ежедневно практикуемой втянутой в жизнь информации может когда-то стать непреодолимой. *Таким образом*, модернити является ориентированной в будущее, так что будущее имеет статус контрфактического моделирования.

Во всех культурах социокультурная гендерная практика регулярно подвергается изменениям в свете постоянно актуализированных в ней открытий и изобретений. Но только с приходом эры модернити пересмотр этих правил настолько радикализируется, что начинает употребляться (в принципе) ко всем аспектам человеческой жизни. Часто речь идет о том, что модернити является отмеченной жаждой нового, но, как видно, это не совсем точно. Основная черта этой эпохи – не в том, чтобы принять новое ради него самого, но в презумпции всеобъемлющей рефлексивности, которая, естественно, включает в себя и рефлексия относительно природы самой рефлексии.

Таким образом, суммируя вышесказанное, мы должны придти к пониманию, того что *модернити* – это западноевропейский *городской* проект (притом проект довольно агрессивный) по распространению своих *городских* стандартов относительно социального пола и социополовых ролей на другие сферы. И именно в его (проекта *Модернити*) рамках, в отличии от установок традиционных социумов, и возникло такое явление, как гендерные трансформации, или (для большей корректности) *трансформации гендерных ролей*, а также *рефлексия* относительно этого вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Седельника, Н.Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.
2. Гидденс Э. Последствия модернити // http://iir-mp.narod.ru/books/inomezcev/page_1101.html
3. Ионин Л.Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000. – 430 с.

Стаття надійшла до редакції 30.05.2007 р.